

Влас Михайлович Дорошевич

Министру финансов

Влас Михайлович Дорошевич

Министру финансов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22122362

Аннотация

«Гражданин министр!

Я не имел никакого успеха у царских министров. Позвольте надеяться, что хоть народные министры не похожи на прежних.

С 1915 года какие ни бывали перемены, – был министром Николай Алексеевич, или заменял его Алексей Николаевич, – ко всем, к Маклакову, к Хвостову, к Протопопову, к Барку, к общественным деятелям, к тогдашнему московскому городскому голове Челнокову, к А. И. Гучкову как к человеку с огромными связями, – я ко всем обращался, всем надоедал одним и тем же...»

Влас Дорошевич

Министру финансов

Гражданин министр!

Я не имел никакого успеха у царских министров. Позвольте надеяться, что хоть народные министры не похожи на прежних.

С 1915 года какие ни бывали перемены, – был министром Николай Алексеевич, или заменял его Алексей Николаевич, – ко всем, к Маклакову, к Хвостову, к Протопопову, к Барку, к общественным деятелям, к тогдашнему московскому городскому голове Челнокову, к А. И. Гучкову как к человеку с огромными связями, – я ко всем обращался, всем надоедал одним и тем же:

– В России, несомненно, предстоят колоссальные волнения. Какой характер они примут, превратятся ли в «бунт бесильный и беспощадный», – зависит от того, будет ли народ трезв, или в толпе будет много пьяных. У нас огромные склады водки, спирта, вин. Это – пороховой погреб, на котором взлетит на воздух Россия. Опившись, люди натворят такого, что сами потом, через три дня, схватятся за голову: «Неужели это мы, – мы наделали?»

Общественные деятели говорили:

– Да, это очень, очень серьёзно!

Благодарили за «важное указание» и тем отпихивались

от меня, как в деревне отпихиваются от плывущего по реке утопленника.

Министрам я говорил:

– Ведь, у вас губернаторы есть «со всячинкой». Вдруг кому-нибудь из них придёт в голову показать вместо свободы Кузькину мать, отличиться, создать у себя пугачёвщину и её усмирить? Разумеется, он поставит около винных складов по паре городских «для охраны». Но это будет перстом указующим:

«Вот, ребята, где водка!»

Маклаков и Хвостов ничего не возражали против того, что у них губернаторы «со всячинкой».

А Протопопов даже с оживлением подхватил:

– И не говорите! Такие есть мерзавцы, что и вообразить себе невозможно!

Г-н Барк разводил ручками. Есть люди, про которых следует говорить как про самовары: у них ручки.

Министр Барк разводил ручками и говорил:

– Что ж прикажете делать? Уничтожить запасы? Но, ведь, я – казначей. Не могу же я уничтожить вверенного мне казённого имущества. Ведь, это стоит...

И он приводил мне сумму в несколько десятков миллионов. Сколько стоят спирт и водка.

Но Россия-то стоит больше?

– Самое обидное, – говорил я, – платить за страховку. Платишь, платишь. Имущество, слава Богу, не горит. А всё

платишь! Неужели же Россия не стоит нескольких десятков миллионов, чтобы её застраховать? Ведь, это же страховая премия за Россию!

Г-н Барк разводил ручками.

Наконец, когда я ему, вероятно, окончательно надоел, он встретил меня весело:

– Всё сделано!

– Уничтожено?

– Н-нет. Но мной отдан приказ, – чуть что начнётся, уничтожать немедленно.

– Вы хотите уничтожить порох, когда начнётся пожар?

То, что я говорил, не замедлило оправдаться.

Вы помните московский немецкий погром.

Излишне повторять, что дважды два четыре, что всякий погром безобразен.

Всякий, я думаю, понимает, что сыпать семена из магазина Иммера на мостовую не значит «сеять разумное, доброе, вечное».

Но, даже павши до безобразия, благородный человек и в этом падении сохраняет оттенок благородства.

Первый день погром носил характер своеобразной справедливости, даже благородства и великодушия.

Погром был направлен против немцев.

Толпа подходила к магазину с иностранной фамилией.

Бледный как полотно хозяин выносил какие-то бумаги, патенты, доказывал, что он англичанин, француз, бельгиец.

Толпа кричала «ура» и шла дальше.

В одном месте при мне приняли за немецкий – еврейский магазин.

Несчастный хозяин метался пред толпой.

– Какой же я немец? Я – еврей! Еврей я! Еврей!

Послали за домовою книгой.

Прочли его еврейское имя.

И толпа... закричала «ура».

В первый раз за всю русскую и еврейскую историю.

Ничего не тронули.

Около громившей толпы спокойно гуляли, – именно «гуляли», – женщины, дети.

Надпись «фирма русская», национальный флаг, раненый из лазарета, стоявший у магазина и говоривший: «Братцы, это русская лавка», – спасали от всякого насилия.

Толпа разрушала, но не оскверняла своих рук кражей.

В гневе она священнодействовала. При мне против Жирардовских мануфактур пожилой рабочий вырвал из рук старухи цветную рубашку, которую она подобрала на мостовой.

– Постыдилась бы, бабушка! Нешто можно?

– Я внуку! – конфузливо возражала старуха. – Всё одно, пропадёт!

– Это всё равно, что воровать с пожара.

Две рабочие девушки подобрали выброшенную из магазина Вейса пару бронзовых туфель.

Боже, как они их рассматривали! Как любовались каждой «строчкой».

Мечта жизни!

Словно кусок от сердца они оторвали. Бросили туфли на землю и начали топтать.

Уж очень было соблазнительно!

Против какого-то модного магазина молодой рабочий держал в руках большую связку шкурок шиншиллы и с любопытством разглядывал:

– Крысы, что ли?

– Это называется шиншилла! – пояснила проходившая мимо и «залюбовавшаяся» дама. – Вы знаете соболь? Дорогой мех.

– Слышал.

– Ну, вот, так эти шиншиллы в двадцать, в тридцать раз дороже соболя. По всей Москве, может быть, найдётся только десять миллионерш, у которых есть цельные шубы из шиншиллы.

– Скажи, пожалуйста.

Я передаю слова рабочего как фонограф.

Он разорвал шкурки одна за другой.

– Ещё подумают, что я своему Дёмочке на шапочку хочу взять!

Можно было гордиться, что принадлежишь к народу, даже среди неистовства сохраняющему благородство.

Бедному, но величавому.

Но всё это длилось только в течение дня.

К вечеру разбили два винных склада: на Ильинке и на 1-й Мещанской.

Вы помните эту ночь. Поджогов, пожаров, неистового, сплошного грабежа.

Когда утром я прошёл по тем же улицам...

По ним словно прошли другие люди.

Всё было разгромлено. Без разбора. Магазин, где вчера кричали «ура» хозяину-французу, был разбит вдребезги. Надписи «магазин русский» валялись среди щеп и обломков.

Пронеслось «бессмысленное и беспощадное».

Не русское. Просто – пьяное.

Введя трезвость по случаю войны, Николай II подрубил тот сук, на котором держалась его власть.

Восстание было неизбежно.

Но у пьяного народа это превратилось бы в дикий, беспорядочный бунт.

Который был бы как огонь залит кровью.

И только у трезвого народа бунт превратился в революцию.

Ибо революция – это организованный бунт.

Планомерный, здравый, знающий, к чему он стремится, владеющий собой и выбирающий самые лучшие, самые верные средства.

Революция – это порядок. Революция – это организация.

В революцию превращается только трезвый бунт.

На моих глазах произошла турецкая революция. Я был тогда в Константинополе.

И оставалось только удивляться, с какой странностью, с какой лёгкостью прошла турецкая революция.

У какого тёмного, какого граждански совсем неразвитого, у какого совсем уж несознательного народа!

Только потому, что этот народ как мусульмане трезв.

У нас про старый режим можно сказать то же, что во Франции говорили про вторую империю.

– Он не был ниспровергнут. Он пал.

В какие-нибудь два дня пала не только монархия. Но идея о монархии.

Мысль о монархии.

Эта идея пала в трезвых головах. И новые идеи загорелись в трезвых головах.

Своей лёгкостью, своим невиданным в мире единодушием, своим благородством небывалая, никому никогда не снившаяся, почти бескровная русская революция обязана тому, что её делали трезвые люди, трезвый народ.

Мы совершили колоссальную революцию у себя дома и зажгли великую революцию на весь мир, – после войны вы увидите, что мы зажгли её! – потому, что мы делали её:

– В здравом уме и твёрдой памяти.

Трезвые.

Теперь «губернаторов», как называли их все мы, или несколько иначе, по министерскому определению, – уже не

существует.

Но остались их помощники, их пособники, их исполнители.

Знающие ходы к пороховым погребам, чтоб взорвать революцию.

Монархическая контрреволюция не страшна.

Она удалась не может. Её не может быть.

Нет веретена, на которое накрутилась бы эта нить.

Пасть абсолютизма никому не может улыбнуться. В ней не осталось ни одного цельного зуба. Одни гнилушки.

Но контрреволюционные попытки возможны. Много осталось людей, для которых нет другого выбора, – только «рисковать». Которые со старым режимом потеряли всё, которые в новом строе должны подохнуть с голода. Много осталось людей, не понимающих значения того, что совершилось. Мечтающих, радуясь разрухе России, вернуть старое.

Их попытки не удадутся. Но они могут стоить крови. И потому страшны.

Ваша обязанность, гражданин министр финансов, – ваша обязанность, граждане министры, застраховать новую Россию, застраховать русскую революцию от величайшей из опасностей.

От самой главной.

Вы должны, обязаны, не смеее не застраховать революции, её главную основу, – народную трезвость.

Г-н Терещенко подтвердит вам о гнуснейших покушении-

ях, которые уже делались на русскую революцию.

Он подтвердит вам, что было сделано покушение превратить в Петрограде скорбный и величественный день 23 марта, день всенародных похорон жертв революции, – самый величественный день новой истории России, – в пьяное побоище и резню.

Как случайно удалось это предотвратить.

Дело было так.

21 марта близ Петрограда, около станции «Лигово», оказались пригнанные откуда-то 40 цистерн. С пометкой, что они должны быть доставлены в Петроград 23 утром.

К счастью, в ночь на 22 расположенные в деревне около солдаты как-то проведали, что на путях стоит спирт.

Вскрыли три цистерны, перепились, открыли пальбу.

Никого не ранили, не убили. Стреляли в воздух, «для веселья».

Спирт этот они вёдрами растащили по окрестным деревням. Началось пьянство.

Увидев всё это, разузнав, что спирт предназначен в Петроград на день великих народных похорон, – мой знакомый, живший там, поблизости, в ужасе прискакал ко мне в Петроград и всё рассказал.

Больной, я немедленно снёсся с одним влиятельным в революции человеком и просил его довести обо всём до сведения г-на Терещенко.

Через четверть часа на станцию «Лигово» уже отправи-

лась «экспедиция» для исследования таинственного груза.

Всё подтвердилось.

Три опорожнённых цистерны. Тридцать семь полных, со спиртом.

Поезд этот прибыл неизвестно по чьему распоряжению. Наряд – доставить «срочно» в Петроград 23 утром.

Никакого спирта казна не выписывала. Никакого спирта на станции «Лигово» находиться не могло. Никакого приказа доставить спирт в Петроград в день похорон жертв революции дано не было.

Кто-то готовил покушение на народ.

Началось расследование.

Не знаю, чем оно кончилось.

Но покушение было предотвращено только благодаря случайному свидетелю.

Мне тогда же сообщили из министерства, что это второй случай.

В Гельсингфорс было прислано 11 цистерн спирта:

– В подарок гарнизону.

Но гарнизон его, слава Богу, сжёг.

То, что разыгралось в Мценске и в нескольких других ещё несчастных местах России, наполнило всех ужасом:

– Анархия!

Да не анархия.

С анархией борется Россия. Вся Россия.

Как здоровый организм борется с болезнью.

Возьмите карту нашей страны. Отметьте крестиками те места, где проявилась «анархия».

Что вы увидите?

Несколько прыщиков на огромном, здоровом теле.

Что это? Оспа?

Да. Настоящая оспа.

Но организм здоров, могуч. Могуче борется.

Вместо того, чтоб покрыться сплошной корой, – кое-где только выскочило несколько отдельных прыщей.

Опасно? Опасно.

Но всякий врач скажет вам:

– Болезнь протекает сравнительно легко.

И это не анархия, где на следующий день после пьянства водворяется порядок.

Анархия с похмелья не проходит.

Это пьяные безобразия.

Это спиртовые огни как болотные огни перебегающие по трясине, которую нам оставил старый строй.

Строй кабацкого государства.

Настоящий строй «Петра Смирнова от чугунного моста».

И ваша обязанность, ваш долг перед народом, который вас сделал своими министрами, доверил вам честь заботиться о нём, – уничтожить эти пороховые мины, заложенные под новой Россией, её свободой, её революцией.

Благоволите немедленно, ничего не дожидаясь, – дожидаться нечего! – уничтожить все запасы водки и все излиш-

ние запасы спирта, оставив под действительной, под настоящей, под мощной и могучей охраной ровно столько, сколько необходимо спирта для действительных технических надобностей.

Пусть г-да винокуры сократят своё производство до размеров действительной необходимости для технических надобностей, по определению государственной власти.

Ибо больше этих размеров их производство становится преступным.

До того, что они от этого потерпят, – нам нет никакого дела.

Лишь бы не потерпела от этого Россия.

Ведь не разрешите же вы какой-нибудь бабе торговать мышьяком или дурманом, потому что она:

– От этого живёт.

Рожь и картофель Россия лучше съест, чем выпьет.

«Питейный капитал» был слишком силен в старой России. Его интересы ставились выше всех трезвых интересов страны.

В новой России царству этого гнуснейшего изо всех капиталов нет, не может быть места.

Вы должны обратить внимание на безобразное распространение денатурата. Разрешения даются с преступной лёгкостью. Это отрава, служащая на девять десятых для приготовления ханжи, целыми реками вливается в страну.

Широкое распространение денатурата диктовалось до сих

пор совсем не потребностью населения, а желанием поддерживать винокуренные заводы, «на которые люди истратились», помещиков и земельных арендаторов, которые поставляют на заводы картофель.

Спаивание народа было когда-то специальностью министерства финансов.

Теперь оно перешло в министерство торговли и промышленности.

Что вы будете бороться суровыми карами с какими-то бабами, фабрикующими «самосядку», когда парфюмерные фабрики тысячами вёдер покупают спирт в казне и делают из него одеколон «для питья».

Этот одеколон можно доставать везде: в аптеках, аптекарских, парфюмерных магазинах, овощных лавочках.

Состав одеколona известен. Настоящего одеколona пить нельзя. От него делается воспаление мозга.

Г-да народные отравители фабрикуют просто водку, прибавляя в неё для запаха «безвредные капли».

Необходим действительный, настоящий контроль, чтоб «парфюмерные» фабрики не превращались больше в водочные заводы.

Чтоб делался настоящий одеколон, непригодный для питья.

Прекратите даже выделку его совсем, если бы надзор оказался невозможным.

Пусть Россия останется без одеколona, чем с водкой.

Россия не умрёт без одеколона, с водкой ей прожить труднее.

Никогда ещё «разрешения на вино» не добывались так легко. Его пьют в домах, платят в ресторанах по 70 рублей за бутылку шампанского, по 5 рублей за рюмку коньяку.

Эти господа курят в пороховом погребе.

Прекратите это безобразие.

Бестрепетной рукой, настоящей рукой слуг народа, уничтожьте эти склады «драгоценных» коньяков, вин, водок, принадлежащие трактирщикам, виноторговцам, частным любителям.

Это товар? Это собственность?

Заплатите за товар.

Заплатите за уничтожаемую, в интересах государства, страны, народа, собственность.

Конечно, заплатите разумно, по действительной, по настоящей стоимости, а не по тем бешеным ценам, по которым г-да кабатчики уповают сбыть свои «запасы» публике.

Это будет стоить дорого государству, народу, стране?

Это будет стоить столько, сколько стоят несколько дней войны.

Это дешевле, чем Россия.

Дешевле, чем свобода.

Дешевле, чем всеобщая безопасность.

Неужели Россия не стоит такой страховой премии?

Эти пороховые погреба притягивают к себе огонь, как это

было в Мценске, как это было в имении Святополк-Мирского.

Уничтожьте же эти мины, которыми минирована Россия в эти грозные часы.

Уничтожьте без сомненья.

Все эти винокуры, «парфюмеры», виноторговцы, кабатчики – это черви, которые завелись у открытых народных ран.

С червями не церемонятся.

Вы собираетесь суровыми наказаниями бороться с пьянством.

Это прекрасно.

Но вы отлично знаете, что одними наказаниями нельзя бороться с преступлениями.

Оздоровьте, прежде всего, ваше ведомство, не делайте из него поставщика отравителей народа, пусть прежде всего, здесь, у вас, не выделяется и не хранится тот порох, которым может быть взорвана Россия, её свобода, её счастье, её будущее, – а вместе с её трезвым, здоровым разумом, её светлая, её благородная, её прекрасная, великая революция.